

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

ИМПЛИКАЦИИ БИХЕВИОРИЗМА ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ ХАРАКТЕРА*

В статье дается критика бихевиоризма с интеракционистской точки зрения. Автор утверждает, что суть бихевиоризма состоит не в интересе к поведению и не в защите объективного метода исследования, основанного на наблюдении, а в особой философии, стремящейся объяснить человеческую жизнь без обращения к ее ментальным аспектам. Бихевиористская точка зрения оценивается как ограниченная, и эта ограниченность показывается через обсуждение опыта и привычки, а также бихевиористской модели «стимул – реакция». Бихевиористской перспективе противопоставляется перспектива, названная позже символическим интеракционизмом. Критика бихевиоризма дается в соотнесении с вопросами «воспитания характера».

In this paper the author offers the critique of behaviorism from interactionist perspective. The author contends that the essence of behaviorism consists not in its interest in behavior or in its advocacy of the objective method of research based on observation but in its specific philosophy claiming to explain human life without reference to its mental aspects. Behaviorist point of view is treated as narrow, and its restrictions are demonstrated through the discussion of experience and habit and also of the behaviorist model of “stimulus–reaction”. The behaviorist point of view is contrasted by the author to the perspective later named as “symbolic interactionism”. The critique of behaviorism is set forth with a specific reference to the problems of “character education”.

Ключевые слова: бихевиоризм, психология, опыт, привычка, стимул, реакция.

Keywords: behaviorism, psychology, experience, habit, stimulus, response.

Под «бихевиоризмом» (см. прим. 1) подразумевается особая «школа», находящаяся в решительной и воинственной оппозиции к другим школам и в откровенной оппозиции к психологии. Иногда термин «бихевиоризм» применяется к любому психологическому интересу к движениям и действиям людей, но сами бихевиористы категорически возражают против такого расширения смысла этого слова, и в интересах ясности мышления следует удерживать и постоянно иметь в виду это различие.

Начнем с того, что слово «бихевиоризм» не означает точки зрения всех исследователей поведения. «Поведение» — отнюдь не новое слово, и люди научились себя вести и говорили и писали о поведении задолго до того, как к этому слову [behavior] был добавлен «изм» для обозначения особой группы, придерживающейся особой точки зрения. Интересно, хотя и не особенно важно, напомнить о том, что слово «поведение» было поначалу оценочным термином, относившимся к одобряемому поведению (conduct). Детей все еще увещевают «вести себя» хорошо, подразумевая при этом, что они должны вести себя правильно, должны соответствовать стандар-

* Перевод сделан по источнику: Faris E. The Implications of Behaviorism for Character Education // The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology. N.Y.; L.: McGraw-Hill, 1937. P. 241–248.

там. Следовательно, мы не можем обсуждать импликации бихевиоризма, принимая во внимание разные смыслы слова «поведение».

Во-вторых, хотя бихевиористы интересуются поступками и движениями, у них нет монополии на интерес к этому аспекту жизни, на которую они порой претендуют. На самом деле психология всегда интересовалась тем, что люди делают и как они себя ведут, и особенно в последние сорок лет все больший акцент делался на внешних и наблюдаемых действиях. Если внимание психологов и было направлено на то, что происходит «в сознании», то всего лишь с целью более адекватного объяснения действий. Ментальная жизнь уже давно считается следствием прошлого поведения и условием будущего поведения, и бихевиоризм возник только тогда, когда этот интерес стал у психологов утвердившейся традицией.

Хотя бихевиоризм заявляет о своей заинтересованности в объективном методе исследования поведения, эта заинтересованность не обособляет его от психологии. Бихевиористы отстаивают зрительное и слуховое наблюдение за тем, что индивид делает, и извлечение научных выводов из его результатов. Но этот метод гораздо старше бихевиоризма. Список результатов, которые были получены психологами с его помощью, был бы очень длинным. Еще до изобретения бихевиоризма появились ставшие ныне общепринятыми тесты умственных способностей, в которых детям давалось несколько небольших заданий, а их успех или неудача в выполнении этих заданий в соединении со сведениями об их днях рождения вели к далекоидущим исследованиям и важным выводам. Опыты с памятью, использующие бессмысленные слоги, и фотографирование движений глаз при изучении психологии чтения — всего лишь примеры, случайно выбранные из десятков завершенных исследований, спланированных и проведенных в полной независимости от бихевиоризма.

Бихевиоризм должен быть противопоставлен психологии, но отличие его состоит не в интересе к поведению и не в защите или применении методов исследования, основанных на наблюдении. Отличительной чертой бихевиоризма, как он задумывался своим выдающимся основоположником, является, по-видимому, не метод, а особая философия. Это механистическая и материалистическая философия, заключающая в себе полное пренебрежение к ментальной жизни и даже ее отрицание. Ни один бихевиорист не признает, что у него есть разум, что он обладает сознанием и испытывает чувства. Обосновывается это тем, что сознательное поведение, ментальная жизнь и чувства недоступны для наблюдения.

Если бы бихевиористы осторожно настаивали на том, что они исследуют только часть человеческой жизни и что для постижения остальной ее части необходимы другие методы, то между бихевиористами и психологами вообще не было бы споров. На самом же деле бихевиоризм решительно исключает ментальную жизнь и сознание не только как несущественные, но и как несуществующие. Все требуется формулировать в терминах физиологии, сводимой в конечном счете к физике и химии.

Следовательно, бихевиоризм оказывается своего рода предприятием, прирастающим из указа, который сам себя отменяет. Это попытка выяснить, что можно узнать о человеческой жизни, игнорируя ее ментальный аспект. Бихевиоризм, таким образом, предстает своего рода трюком. Это как если бы человек попытался переплыть реку с завязанными за спиной руками. Или как если бы человек должен был ехать на автомобиле по улицам с завязанными глазами. Оба этих подвига возможны, и оба они совершались. Однако было бы недопустимо делать из этого вы-

вод, что руки и глаза делу не подмога. И еще труднее было бы отрицать их существование. Бихевиорист пытается изучать человеческую жизнь, наблюдая движения, но психолога интересуют также чувства, установки и устремления. Те, кто заинтересован в воспитании характера, проявляют интерес к вере, надежде и любви. Они заинтересованы в исследовании честности, искренности и совести. Все эти вещи связаны с поведением, но помимо того являются аспектами жизни и заключают в себе опыты, которые внешнее наблюдение даже не надеется обнаружить.

С формулировкой проблемы не должно возникнуть трудностей. Самое важное слово здесь, наверное, «опыт». Разумеется, опыт включает движения и действия, но ими он, видимо, не исчерпывается. Каждый психолог считает движения людей очень важными. И то, что человек делает, если определить делание достаточно широко, будет реально детерминировать то, что он собой представляет. Врач, юрист, проповедник, вор, бутлегер, убийца — никто из них не может быть определен или узнан в отрыве от некоторых характерных действий.

Но здесь встает решающий вопрос. Действия, совершаемые людьми, иногда очень медленны в своем развертывании, и прежде чем действия будут совершены, с человеком может произойти много такого, что никто не может увидеть. Более того, когда акт завершен, человек испытывает чувства удовлетворения и радости или досады и разочарования, которые не всегда полностью отражаются на его лице и не всегда полностью отражаются в его речи. Воспитание характера никогда не может пренебречь переживаниями человека. Дело не в том, что любой опыт является всецело внутренним, или субъективным — ибо реально он никогда не бывает целиком субъективным, — а в том, что опыт не полностью поддается внешней научной регистрации. История всех религий красноречиво свидетельствует о важности внутренней части наших жизней.

Прояснить контраст между бихевиоризмом и психологией можно было бы также через понятие привычки. Привычки важны, а так как они тяготеют к механичности, то естественным образом становятся предметом внимания для бихевиориста. Воспитание должно заботиться о хороших привычках и на самом деле всегда о них заботилось, однако кажется сомнительным, что привычки — все, к чему нам нужно стремиться, если только мы не расширяем значение слова «привычка» и не включаем в него привычки умственные и эмоциональные, на что бихевиоризм изначально налагает запрет. Попытка свести всю жизнь к привычке могла бы достичь успеха в обществе, если бы оно было столь неподвижным, что в нем никогда не происходило бы никаких изменений и не возникало бы трудностей и проблем. В этом случае каждый мог бы прожить и умереть в том месте, в котором Господу было угодно его призвать. Но мир, в котором мы живем, не так прост. У нас много привычек, какие-то из них нам помогают, другие мешают, но при этом у нас есть такие проблемы и трудности, для выхода из которых у нас нет привычек и которые заставляют нас думать, бороться, планировать; и для тех случаев, когда мы думаем и прилагаем усилия, психология сочла необходимым исследовать воображение, которое, видимо, всегда в них задействовано.

Прояснить этот момент можно с помощью иллюстрации. Введенные в заблуждение тем фактом, что язык можно разложить на слова и что каждое слово может быть выучено, бихевиористы утверждали, что язык и речь — это привычки. В этом утверждении много верного, но как раз в силу этого мы не замечаем заключенной в нем ошибки. Человек, которого внезапно призывают подняться и произнести тост

на званом обеде, может растеряться и не сумеет ответить удачно, а если ему все же удастся отделаться несколькими фразами, то маловероятно, что его речь будет названа привычкой или заслужит это название. В этот момент пишется эта глава. Если бы автору было привычно производить страницу за страницей тексты о бихевиоризме и воспитании характера, то абзацы перетекали бы один в другой гораздо ровнее. Есть ряд ясных идей, которые здесь формулируются, и живое ощущение того, что это можно было бы сделать лучше. Ясно, что слово «привычка» совершенно не подходит для обозначения того, что делается при подборе слов в этом тексте. Видимо, здесь имеют место мышление и устремление, а также попытка найти какой-нибудь метод для того, чтобы сделать мысли, которые автор стремится выразить, ясными и убедительными. В опыте, помимо привычки, есть много чего еще.

Делая акцент на привычке, бихевиоризм руководствуется двойным мотивом. Настаивать, что привычка – это все, значит отказать воображению в какой бы то ни было значимости. Должно быть ясно, что для воспитания характера важно именно воображение. Его задача – формирование объектов в разумах детей и их старших. Бихевиоризм наивно утверждает, что слово – условный рефлекс и что на слово мы реагируем так же, как и на вещь. Между тем психология настаивает, что концепция объекта – важная промежуточная фаза действия. При религиозном воспитании детей учат иметь правильные идеи о Боге, церкви, нации и доме. Эти идеи заключают в себе то, что можно назвать установками. Они не являются в точном смысле слова привычками, хотя и могли бы быть названы привычками разума, привычками мышления или привычками чувствования. Это не наблюдаемые привычки. Ребенок с установкой привязанности к своему отцу будет ограничивать свои действия некоторой областью исполнения, но непредвиденные обстоятельства, или ситуации, будут определять то, что он делает, даже тогда, когда вообще нет привычек. Установка любви к своей матери может означать предложение ей помощи в каких-то делах, планирование приятного сюрприза, отзывчивость к ее просьбам и распоряжениям. Именно в этом настойчивом акцентировании привычки и необоснованном утверждении, что привычка и научение – это вся жизнь, наиболее ярко проявляется отличие бихевиоризма от психологии.

Еще одним следствием бихевиористских механистических допущений является необоснованная позиция в вопросе стимула и реакции. Она оказала огромное влияние на подготовку тестов и некоторых типов исследования, но влияние это не было всецело благотворным. Введенный в заблуждение тем, что немалая часть нашей жизни может быть переведена в термины стимула и реакции, бихевиоризм утверждает, что этой формулой могут быть охвачены все человеческие действия. Но эта позиция подверглась серьезной критике; Джон Дьюи уже три десятилетия лет назад опубликовал ее критику, и позже последовало много схожих ее обсуждений, особенно в работах Боде, Мида и Знанецкого. Однако осознание этой критики в противоречивой литературе, производимой бихевиористами, искать бесполезно. И некоторым из нас это упорство кажется положительно необъяснимым.

Этот момент настолько важен, что нужно постараться сформулировать его как можно яснее. Во-первых, мы должны заметить, что стимул и реакция проявляются всегда, когда привычка вдруг возбуждается соответствующим «сигналом». Есть все основания говорить о движении как о реакции на стимул. Сонный младенец будет так реагировать на бутылочку с молоком в силу существующего механизма. Челю-

век, работая за письменным столом, будет отвечать на телефонный звонок автоматически, с минимумом усилий, ибо и здесь есть механизм. Некоторые из наших механизмов наследуются, но большинство являются приобретенными. Все они, однако, должны мыслиться как заключенные в структуре тела и являющиеся результатом организации.

Но не все движения являются реакциями на стимулы. В изменчивом и полном случайностей мире невозможно предвидеть каждую ситуацию и обеспечить средства для подготовки ко всем непредвиденным обстоятельствам. На своем пути мы сталкиваемся с новыми проблемами, для которых у нас нет готовых адекватных реакций, а там, где нет реакции, там не может быть и стимула. Стимул и реакция предполагают связь, организацию. Если мы сталкиваемся с чем-то неведомым — давящим, настойчивым и достаточно чуждым, — то у нас могут возникнуть крайнее замешательство и полная дезорганизация. Нет ни привычки, ни механизма, ни объекта, ни стимула, ни реакции. Внутри имеют место дезорганизация и поиск реакции, вовне — неопределенность и поиск стимула. Если и когда проблема решается, но не раньше, появляются стимул и реакция. За дезорганизацией следует организация. Согласно классическому высказыванию Дьюи, реакция в таких случаях не происходит на стимул, а входит в стимул.

Тогда можно сказать, что реакция *конституирует* стимул, ибо стимул является таковым *постольку, поскольку* мы на него реагируем. Некая вещь является пищей, поскольку мы ее едим; мы превращаем ее в пищу, съедая ее. Женщина красива, поскольку она любима; друзья *создаются*, как и враги. Если принять эту точку зрения, то это повлечет полную переформулировку известной и упрощенной бихевиористской доктрины, ведь в человеческом опыте заключены воображение, предварительные способы мысленного схватывания, различные попытки определений объекта и финальный отбор какой-то концепции, гармонизирующей и организующей данное конкретное мгновение.

В области религии и воспитания характера такие переживания хорошо известны и очень важны. Когда высокомерный неверующий обращается в веру после эмоционального кризиса, происходит переопределение старых объектов, формирование иного кластера образов вокруг знакомых понятий. Для такого человека Библия становится иной книгой. Важным аспектом является его понимание Бога, человека, церкви и самого себя. Все они должны реорганизоваться, а это значит, что он обзавелся новыми реакциями и, стало быть, создал или организовал новые стимуляции.

Стимулы и реакции являются *результатом* его устремленности и изобретательности. Он не действовал в ответ на стимул, а так организовал свою хаотичную жизнь, что теперь у него появились новые стимулы и новые реакции. Реакция и стимул — это не следствие и причина; они одновременны. Они, строго говоря, соотносительны. Следовательно, наши объекты существуют в нашем воображении. Кули в блестящем рассуждении показал, что даже наши друзья существуют для нас как образы возможных движений. Мой друг — это тот, о ком я думаю как о человеке, приятно разговаривающем со мной, тепло пожимающем мне руку и дающем мне займы денег. Его не описать в терминах мышц, костей и желез; скорее его можно описать через те воображаемые реакции, о которых я думаю. Если дружба рухнула, то мышцы и железы остаются на месте, но воображаемая активность исчезла, и друга у меня уже нет.

Следовательно, есть целая сфера воспитания характера и религиозного опыта, которую бихевиоризм явно некомпетентен не только исследовать, но даже и охарак-

теризовать. Важнее, говорит Джеймс, знать философию жизни вашего квартиранта, нежели состояние его банковского счета. Психология часто находит эту точку зрения в мудрости древних. Психология одобрила бы древнюю максиму, призывающую со всем усердием хранить свое сердце, поскольку из него бьют источники жизни. Бихевиоризм, в свою очередь, эту максиму бы отбросил. По-видимому, мысли, концепции, принципы и идеалы, хотя и не независимы от поведения, являются существенными аспектами, которые нужно изучать и без которых внешние движения не понять.

Это рассуждение оказалось противоречивым и полемическим. Когда оно началось, такого намерения не было, но эта трактовка представляется неизбежной, и причина в том, что вклад бихевиоризма кроется не в его методах, а в его философии. Даже если бы мы, отдавая дань бихевиоризму, уделили более живое внимание объективным методам, то они, как ранее уже отмечалось, не оригинальны, не новы и определенно развились бы, даже если бы бихевиоризм так и не появился. Можно точно охарактеризовать бихевиоризм как попытку установить сущность человеческой жизни, отрицая ментальный или сознательный ее аспект. В настоящее время споры достигли пика. Если рискнуть предложить предсказание, то это будет предположение, что в ближайшее десятилетие крайняя позиция бихевиоризма будет все-речь модифицирована. И, по мнению автора, чем быстрее, тем лучше.

Эффект бихевиоризма и его влияние между тем были велики. Одним из интересных результатов стала возросшая активность многих одаренных ученых, работающих с тестами и статистикой. Разумеется, ни тесты, ни статистика не могут быть поставлены в заслугу бихевиоризму, поскольку они родились гораздо раньше него, но обнаруживается некоторая сдержанность в работах нынешних исследователей, боящихся употреблять слова «чувство», «мышление» и «воображение», поскольку они не в фаворе у бихевиористов.

По-видимому, нет причин для озабоченности. Все должно идти своим чередом, и, в то время как статистические методы будут раскрывать аспекты жизни и даже личности, которые не могут быть раскрыты никакими другими способами, статистическая трактовка наблюдаемых действий будет служить лишь привлечению внимания к важной проблеме внутреннего аспекта жизни и разума. То, что мы думаем и чувствуем, то, что мы воображаем и к чему мы стремимся, то, что мы помним и на что мы надеемся, — все это так же важно, как и всегда, и даже от бихевиористов, отрицающих их существование, могут приходиться некоторые полезные наблюдения о другой стороне жизни, которая может быть увидена и измерена. Нет толку вести разговоры о том, что важно внешнее и наблюдаемое или внутреннее и скрытое. Ни одно не существует без другого. И то и другое должно быть принято во внимание в любом адекватном суждении о человеческой природе и о возможности воспитания.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Примечания

1. Слово «бихевиоризм» используется в разных значениях. Концепцией, которую мы здесь обсуждаем, является то определение, на котором настаивает профессор Джон Б. Уотсон.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.
